

ОБРАЗОВАНИЕ: РАКУРСЫ И ГРАНИ

УДК 101+37.01
DOI 10.20339/AM.03-22.009

М.Д. Купарашвили,
д-р философ. наук, профессор кафедры философии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
e-mail: kuparashvili@rambler.ru

ПОСТОБРАЗОВАНИЕ, ЧТО ПОСЛЕ? ЧАСТЬ 1¹

Озабоченность преподавателей, школьников и родителей современным состоянием образования регулярно освящается как в СМИ, так и в фундаментальных аналитических работах специалистов. Необходимость новых способов и методов организации образования упирается, с одной стороны, в официальные стандарты, совершенно не легитимные в глазах общественности, а с другой – в отсутствие альтернативных жизнеспособных проектов, основанных на преемственности образовательных конструктов, с учетом традиционно-культурных особенностей русского народа, которыми так богата отечественная педагогика и психология.

Ключевые слова: *преднамеренное изменение личности, информация и знание, методология мышления, эпоха неопределенности, этическая система ценностей, расслоение общества, проектирование идеологических целей.*

POST-EDUCATION, WHAT AFTER? PART 1

M.J. Kuparashvili, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at Department of Philosophy at Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, e-mail: kuparashvili@rambler.ru

The concern of teachers, schoolchildren and parents about the current state of education is regularly sanctified both in the media and in the fundamental analytical works of specialists. The need for new ways and methods of organizing education rests on the one hand on official standards that are completely illegitimate in the eyes of the public, and, secondly, in the absence of alternative viable projects based on the continuity of educational constructs, taking into account the traditional cultural characteristics of the Russian people, which are so rich in domestic pedagogy and psychology.

Key words: *intentional change of personality, information and knowledge, methodology of thinking, the era of uncertainty, ethical value system, stratification of society, the design of ideological goals.*

И скажем откровенно: всем нам не достаёт от Школы полноты бытия. Но разве это вина только Школы? Может быть, мы тоже гршили перед ней, не внимая ее голосу и наставлениям? Школа хотела сделать каждого из нас личностью, но разве многие из нас поддавались ее устремлениям? Отдадим должное и тому насилию, которому подвергалась Школа со стороны властей, навязывающих чуждые ей задачи. Все уже позади.

Шалва Амонашвили

Введение

Хотелось бы верить, что фраза: «Всё уже позади», относится к действительному концу 30-летней череды реформ школы и образования в целом. Президент Международного центра гуманной педагогики Шалва Амонашвили написал в 2018 г. работу «Истина школы» в жанре воззвания, и пропитана она глубокой болью за настоящее школы, удивительной нежностью к ней и надеждой на лучшее будущее.

Совсем не случайно современное состояние образования называют постобразованием. Каков же смысл данного

¹ Статья публикуется для дискуссии.

понятия? В чем заключается его эпохальное содержание? Что в него вкладывает современный педагогический мир?

Прежде всего, оно отсылает к глобализационным трендам. Постобразовательная стратегия стала востребованной в контексте рыночной экономики и насаждения «норм» жизни нового мирового порядка. Симбиоз финансовой и экономической власти породил новую мировую политику. Напомню, что политика есть сознательно проводимая линия поведения социального субъекта по отношению к другим социальным субъектам. Здесь достаточно указать на то, что сознательно проводимой линии глобалистической политики враждебно все культурное и национальное, она требует унификации и обезличивания, полного отсутствия укорененности и насаждает номадический образ существования, дивидизацию и деморализацию психологической карты личности.

По словам Ш. Амонашвили, образование предперестроечного Советского Союза достигло высокого уровня в области объема и качества освоения знаний школьниками. «Теперь этот уровень искусственно занижается, чтобы он был не выше так называемых “европейских” или “мировых” образовательных стандартов. Ясно, что занижение качества и уровня стандартов образования входит в интересы “творцов” глобализации.... Раз есть стандарты, нужно держать их под контролем. Нельзя, чтобы молодежь в своей массе превзошла стандарты. Кроме того, надо держать молодежь в стрессе и зависимом положении от других сил. Надо еще, чтобы мысль учащихся была все время занята тестами, баллами, тревогой о будущем» [1. С. 43]. Так возникает состояние постобразования. Его необходимость более чем очевидна с точки зрения глобалистического видения новой системы мира.

После того как Россия присоединилась к Болонской конвенции (сентябрь 2016), постобразование стало легитимной формой получения знания не только в двухступенчатом высшем, но и в школьном образовании. С этого момента мы стали играть в чужие игры [2; 3; 4]. Попытки насаждать неорганичные для страны системы закончились полным развалом образования. Россия утратила все позиции. О неутешительных результатах кардинальной перестройки системы образования, утраты советской фундаментальности писали и пишут многие философы, филологи, экономисты, психологи, отмечая ошибочность этих реформ. Необходимо изменить систему созвучно изменениям времени и появлению новых вызовов [2. С. 7]. Судя по современным высказываниям нашей элиты, не слышно раскаяния и сожаления, игра стоила свеч, результаты реформ они видят, значит, это и была цель? Хорошо известны и цели реформы образования, озвученные А. Фурсенко, который в качестве министра образования

видел свою основную задачу в воспитании первоклассного потребителя [5].

Основные положения о спасении образования, изложенные президентом в пятом обращении к Федеральному собранию [6], бьют не только мимо цели, но, в силу исключительной декларативности, дают обратный эффект.

Так как экономическая, финансовая и политическая стороны реформ вполне очевидны, то их ментальное и мировоззренческое значение не столь очевидны. Поэтому более важными с точки зрения объективного отражения данности представляются психологический и философский анализ ситуации.

Главное, что происходит на наших глазах с человеком в целом и с образованием в частности — это формирование человека нового типа. И здесь, по большому счету, не важно, происходит это целенаправленно или стихийно, «снизу» или «сверху». Более важным представляется то, *что* об этом известно широкой публике и *как* она относится к этому факту. Ответы очень важны, так как именно от этого зависит исход современных изменений: человечество может пережить переходный период и выйти из него помудревшим или покатиться по отвесной деградации.

Новый тип человека

Большинством людей новое положение человека в мире воспринимается как требование постиндустриального состояния общества. В современных тренинговых практиках, которые весьма популярны среди молодых людей, открыто фигурирует программный пункт: целенаправленное и преднамеренное изменение личности с психологической точки зрения. Но вот о задачах, а главное, предполагаемых результатах изменения, психологи говорят неохотно, т.к. придется делать неутешительные выводы. В своей фундаментальной работе 2007 г. «Психология личности» и в огромном количестве публичных выступлений всероссийский психолог, глава Федерального института развития образования А. Асмолов, используя прозрачную терминологию, излагает необходимые средства и желаемый результат изменения личности [7]. Однозначно понять его взгляды по проблемам образования и изменения личности не так просто, поскольку он легко меняет их в зависимости от конъюнктуры. Однако отсутствие в его выступлениях положительных отзывов о школе и образовании делает его позицию, в принципе, понятной.

«Наши дети — это дети сетевого информационного столетия. Они другие, и у них совершенно другие пути и способы общения... Первое, что надо понимать: это другие дети, дети сетевого времени, информационного

века, они по-другому реагируют. У нас, когда мы думаем о новых программах, есть одна сложнейшая проблема: если дети живут в этом информационном мире, им дышат, им рождаются, если они мастера решения нестандартных задач уже, то самая трудная драма — это драма отставания воспитателей и педагогов от наших дошкольников. Я хочу быть правильно понятым, потому что, когда ребенок этим владеет. ...Когда вы спросите ребенка, который быстро исправил в пять лет мобильный, который дедушка или папа не мог исправить, как он это сделал. ... Он это просто сделал. Ему не надо объяснять, как он это сделал.

Отсюда есть следующие риски: риск не понять, что мы имеем дело с детьми информационной социализации, и построить совершенно иные программы развития воспитателей. Сделать эти программы — это задача номер один.

Второй риск. Если мы вдруг стандарты школы в прямом смысле перенесем на стандарты уникального мира развития дошкольного детства. И я вдруг себе говорю, извините, просто молюсь: не дай нам Бог впасть в грех ЕГЭ для дошкольников. ...Нужны стандарты вариативного образования для дошкольников именно с учетом уникальных вариантов развития детей. И здесь ключ — не просто знания, не просто умения и навыки, а здесь ключ в том, что эти программы должны у ребенка сформировать веру в себя и в свои возможности. И это уникально, то, что мы можем сделать. У нас существует целый ряд гениальных классиков нашей психологии и педагогики, которые это делали, и не случайно по нашим программам учатся, не побоюсь этого слова, и в Бразилии, и в Аргентине, и даже в первой в мире по образованию стране — Финляндии — берут наши программы. Поэтому сегодня сделать эти программы — одна из уникальнейших задач, которая перед нами стоит» [8].

Так, А. Асмолов излагал собственные представления о школьном и дошкольном образовании на совещании о развитии системы образования у премьер-министра в 2012 г. Для сравнения, в 2007 г. в фундаментальной работе «Психология личности» он пишет: «...практическая психология взяла на себя миссию смены системы образования в целом, перехода от унитарной обезличенной дрессурной модели образования — к модели вариативного развивающего мотивационно-смыслового образования. По сути, практическая психология замахнулась на роль социального архитектора доктрины либерального вариативного образования, превращения образования в институт социализации индивидуальности. Именно в этот период утверждается взгляд на образование как на социальный институт поиска индивидуальных траекторий развития человека» [7. С. 502–503]. Каким образом либеральное вариативное образование, которое развивает мотивацию и смысл, выродилось в постобразование? В 2007 г. А. Асмолов объявляет советское образование дрессурой, а в 2012-м — вспоминает о гениальности

классиков нашей психологии и педагогики, что по нашим программам строятся образовательные стандарты в разных странах мира. Уже в 2009 г. Асмолов не видит никакой опасности в ЕГЭ и говорит о его положительных сторонах: «По сути, единый государственный экзамен — это серьезнейшая попытка создать национальную систему контроля качества знаний. Такие системы существуют в разных странах мира. Мы пытаемся сделать систему, которая контролировала бы знания, которая дала бы нам картину понимания качества знаний вне зависимости от того, кто учитель, какая школа. Например, ЕГЭ показал, что в разных регионах страны сложилась катастрофическая ситуация с математикой. После чего начались нападки на ЕГЭ. Но сам экзамен в этом не виноват. ...ЕГЭ ничем не хуже и не лучше других экзаменов. И родители, и ученики должны отнестись к этому экзамену как к еще одному испытанию, проверке на образовательную и личностную зрелость» [9].

Асмолов, Греф имеют уже устойчивые антиобразовательные взгляды — школа и вуз не столь необходимы для подрастающего поколения (ребенок сам себе гугл, сам себе яндекс), онлайн-курсы могут предложить более качественный материал и первоклассных преподавателей; надо готовить детей жить в неопределенности; дети лучше ориентируются в новых технологиях, сетевых правилах, возможностях и хитростях. Если взрослые хотят общаться с детьми на понятном для них языке, им стоит поучиться языку детей. (Вспомним, что с этой целью подросток был приглашен в парламент где он объяснял депутатам азы тик-токовского языка как некой вершины коммуникации в новых условиях). Тогда депутаты нашли, что платформа Tik-Tok очень полезна в технологиях предвыборной компании.

Сегодня действующие психологические практики ушли в сугубо коммерческий формат реализации. Работают с людьми и с живыми процессами, где результат виден сразу. Процветают тренинги, коучинг, консалтинги по психологии денег и денежной логике, программированию успеха, управлению сексуальной энергией и освоению техники ее монетизации в бизнесе, телесная психология (телесники) предлагает способы, излечивающие неврозы. Сказать, что все это не изменяет психологическую карту личности невозможно, т.е. они вполне справляются с поставленной перед ними глобальной задачей.

В повседневной практике в качестве цели предложен успех, успех любой ценой, успех как известность, знаменитость с гарантией монетизации себя. В каком качестве знаменит? Почему стал известным? Совершенно не имеет значения. Отсюда любые средства хороши, если они достигают цели. Вопрос цены? Цена известна:

миллионы подписчиков, миллионы денег от рекламных компаний плюс утрата человечности, достоинства, долга, чести, ответственности, надежности... Так как, как правило, этим занимаются подростки, знания в качестве интеллектуального багажа у них отсутствуют. Вакуум истинных ценностей делает шальные миллионы единственной формой достоинства. Через этих персонажей, которые стали миллионерами в 17 лет из-за того, что удачно корчат лица в сети таким же как они сами, нам внушают, что они (следовательно и мы) никому ничего не должны, что это свобода. А дальше и выше, утверждения и жизненные стратегии приобретают просто угрожающий вид: эффективный «топ-менеджер имеет право на стратегическую ошибку» (А.В. Дворкович), каждый может зарабатывать свой миллион так, как он сочтет возможным, нравственные инсинуации неуместны. Собственно, это все о цели изменения личности в действии.

Таким образом, можно сформулировать основные требования, предъявленные человеку нового типа: он должен быть приспособлен к высокой динамике социальных, экономических и политических процессов, уметь выживать в объявленной, а часто и искусственно создаваемой неопределенности, не надеяться на блага социального государства, иметь сверхвысокую мобильность и обладать сверхтолерантной лояльностью по отношению к центрам власти любого уровня.

Так как переформатировать зрелого человека сложно, то вполне понятно пристальное внимание власти к новым поколениям, формирование которых, как правило, происходит в рамках школьного и вузовского образования. Пришло время, когда для политиков и экономистов такие понятия, как «человек», «культура», «общество», «этика», «эстетика» и даже «религия» перестали быть отвлеченными понятиями и стали восприниматься как выражения первоначально необходимых закономерностей социального универсума. Институционализированные и идеологически сплоченные организации глобалистов обнаружили, что указанные категории легко конструируются, трансформируются и вполне допускают применение управленческих тактик. Задача будет максимально упрощена, если прежде изменить ментальность, а это возможно лишь посредством существенных изменений, прежде всего в сфере гуманитарных наук, которые преподаются в школах и вузах. Так, через образовательные структуры можно полностью изменить ценностный код новых поколений, т.е. загнать их в заранее заготовленные ниши социальных конструкторов.

Отсюда требования постобразования более чем очевидны. Это кардинальное отлучение школьника

от возможности приобретения навыка мышления (всепоглощающее тестирование), выведение воспитания из обязательных школьных функций, популяризация глубоких сомнений в необходимости таких социальных институтов, как школа и вуз, аморализация школьника (попытки введения сексологии с первого класса), нивелирование авторитета учителя и педагога, крайняя степень коммерциализации как образования, так и школы. «Государство отстраняется от Школы, она обуза для него. ... Зачем давать образование бесплатно, когда за все надо платить, пусть раскошелятся родители, это будет по законам рыночной экономики; следует стандартизировать образование и устраивать тестирование — нельзя же дать всем возможность заканчивать полную школу, а потом всех направлять в вузы; надо передать заботу о школе тому, кому она нужна больше всех — народу, пусть народ и местные органы власти содержат свою школу, своих учителей, а государство обеспечит контроль, проверку, аттестацию и т.д.» [1. С. 47–48].

Более того, для нашей страны Организация экономического сотрудничества и развития разработала и насильственно вводит проект («Образование 2030»), который лоббируют очень авторитетные люди (Греф, Чубайс, Медведев, Голикова). Читаем у Амонашвили: «Чем больше и дальше раздуваются страсти вокруг так называемых стандартов, тем дальше отбрасывается понятие воспитания личности ребенка, ...тем быстрее и прочнее забывается, что Школа должна воспитывать гражданина страны. Чем больше и дольше блуждаем в потемках реформирования, модернизации или обновления Школы, тем быстрее засыхает и гибнет тот корень, в котором свершается истинное, постоянное и естественное обновление» [1. С. 96]. Одним словом, что и требовалось доказать!

Формирование мировоззренческих установок

Философия эпохи неопределенности констатирует наличие многочисленных и многонаправленных подходов к изменению личности и требует от человека навыков адаптации к новым условиям с учетом не только его успешности, но и его активного индивидуального роста и ориентации в нравственном законе. Однако нельзя не отметить очевидную растерянность философии от того, что она увидела себя перед абсолютным пределом адекватного восприятия и понимания мира, тем самым обнаружила собственный горизонт и потому горизонт мышления. Коль скоро неонеклассическая наука, после постмодерная философия, постиндустриализм и информационное общество — действительность нашего времени, то мы стоим перед неминуемым изменением че-

ловека, новый образ которого разворачивается на фоне постмодернистской констатации децентрации, деконструкции, номадологии, симулякризации и др. На этом фоне попытки организовать картину иного мироздания полностью утрачивают простые и реальные способы совершенствования человека.

Постмодернистская философская практика демонстрирует высокую заинтересованность в протофилософской (архаические представления и мистика), парафилософской (около философская эзотерика и агностицизм, рассуждения в стиле пророчества и откровения) и экстрафилософской («экспериментальная философия», «спекулятивный реализм», попытки построения иной онтологии из интуитивно правильных данных) тематиках. Именно у философских воззрений данных направлений оказалось больше шансов заглянуть за горизонт мысли. Они вполне органично презентуют мир неопределенный, опасный, страшный, отбрасывая человечество к началу возникновения вербальной мысли и пробуждая архетипы ветхого человека. Другими словами, человека, лишённого способности к позитивному творчеству и преображению, человека, активность которого можно ограничить и контролировать только запретами. Легитимизация контроля и наказания безжалостно отбрасывает способность к самоограничению.

Большую приспособленность и почти привилегированный доступ к немислимым объектам обнаруживают мистика и сверхъестественная негативность. По словам Юджина Такера, «жанр сверхъестественного ужаса является привилегированным методом для появления парадоксальной мысли о немислимом» [10. С. 10]. Или в работах Грема Хармера, который из писателя «бульварных ужасов» Г.Ф. Лавкрафта сотворил культовую фигуру новой реалистической философии третьего тысячелетия. Хармер буквально упивается той маняще-пугающей реальностью, которую создает мастер ужасов Г.Ф. Лавкрафт. И неважно, какие архетипические образы выпускаются на просторы представления современного человека, ведь нет ничего настоящего, все вымышлено и сконструировано, «всякое содержание изначально глупое. А содержание глупое, потому, что реальность не есть содержание» [11. С. 23].

Дело в том, что подобные направления мировоззренческих представлений, от тупой мистики до объектно-ориентированной философии, естественным образом формируют смысловое пространство самореализации человека. Будет огромной методологической ошибкой отдавать тему неопределенности и неизвестности на откуп спекулятивному реализму и фантазмам виртуального мира. Необходимость справиться с концом одной эпохи и открыть начало другой, когда нужны новые лингвисти-

ческие и фонетические способы формирования доходчивой мысли с высоты уже наличного языкознания — вот задача, достойная философии. Первоочередным видится оформление необходимого философского аппарата, в данном контексте для категориального обеспечения учебных программ.

В связи с этим самым необходимым и востребованным действием должно стать определение и выработка главных установок процедуры изменения в виде основных принципов и идеологических направлений. Их назначение — создание рамочной человекоохраняющей стратегии, которая может оберегать от опасных видов тактик и форм практической реализации изменений. Главные стратегические идеи и установки: не опредмечивать, не овеществлять человека, а совершенствовать его личностные качества, не дрессировать, а воспитывать, не программировать, а развивать, не манипулировать, а мобилизовать.

Насколько это возможно перед неизвестностью?

По мнению Ш. Амонашвили, целью воспитания должно стать формирование «Благородного Человека». Соединить указанную цель и поиски новых горизонтов мысли, позволяющих не растерять историческую правду, разумно организовать новую целостность и сделать эту идею прозрачной и доступной для большинства оказалось непростой философско-мировоззренческой задачей.

При этом важно только одно, какой бы вид не приняло образование после постобразования, человечество вправе требовать от него глубокой заинтересованности в сохранении и развитии человека на базе его биологической сущности. Для этого необходимо:

- ◆ Актуализировать методику психофизиологии воспитания и обучения и связанные с ними здоровьесберегающие технологии В.Ф. Базарного [12].
- ◆ Сделать приоритетной установку на формирование методологии мышления у школьника.
- ◆ Целенаправленно формировать полноценную личность. В эпоху после постмодерна перспективное общество возможно только с доминантой этической системы ценностей, которая безальтернативна в проектировании идеологической цели для продления эры человека.
- ◆ Обозначить в качестве главной идеи правильной стратегии образования целенаправленную подготовку молодых людей к созиданию систем производства и жизнеобеспечения полного цикла.

Формирование методологии мышления

В чем на самом деле нуждается человек постиндустриального производства, информационного общества

и глобальными проблемами, и скоростью изменений, имеющих место как в науке, так и обществе. В образовательный процесс пытаются внедрять критическое мышление в виде «технологии развития критического мышления», или «критическое мышление: философия на практике» [15], вместо того, чтобы вернуть фундаментальную логику и теорию аргументации в качестве общеобразовательного предмета, как и положено в классическом высшем образовании.

Все это вместе является той необходимой основой самостоятельной мыслительной деятельности, которая со временем должна стать методологией правильного мышления. А для этого необходимо, чтобы государственная образовательная политика и идеология школы и вуза фундировались принципом обеспечения новых поколе-

ний образованием (а не оказанием образовательных услуг). Необходимо особо отметить, что требования построения правильной методологической платформы для образовательных программ сегодня не существует.

И здесь все начинается с начальной школы, там, где создается основа в виде выработки умения и навыка чтения, ведь именно этот аппарат запускает механизм самостоятельного мышления¹.

(Окончание следует.)

Литература

1. Амонашвили Ш. Истина Школы. М.: Свет, 2018. 112 с.
2. Космин А.Д., Космина Е.А. О тревожном тренде трансформации целевых ориентиров реформирования российской системы образования в риски // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2019. № 9. С. 5–11. DOI: 10.20339/AM.09-19.005
3. Кравченко Л.В. О необходимости реформ системы образования // *Известия ИГЭА*. 2007. № 3 (53). С. 101–104.
4. Алексеев В. Социально-философский смысл категории «система управления качеством образовательной деятельности вузов» // *Общество и культура*. 2008. № 8. С. 53–56.
5. Официальный сайт газеты «Аргументы и факты». URL: <https://aif.ru/>
6. Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/>
7. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007. 528 с.
8. Асмолов А.Г. Выступление на совещание о развитии системы образования у премьер министра. URL: <https://asmolovpsy.ru/publications/169>
9. Асмолов А.Г. ЕГЭ связан с ситуацией стресса не больше, чем любой экзамен. URL: <https://asmolovpsy.ru/publications/179>
10. Такер Ю. Ужас философии: в 3 т. Т. 1. В пыли этой планеты / пер. с англ. А. Иванова. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 184 с.
11. Хармер Г. Weird-реализм: Лавкрафт и философия / пер. с англ. Г. Коломийца и П. Хановой. Пермь: Гиле Пресс, 2020. 258 с.
12. Базарный В.Ф. Почему стандарты знаний ведут к расщеплению личности? URL: http://www.hrono.info/proekty/bazarny/bzrn_stand.php
13. Сухомлинский В.А. Сто советов учителю. URL: <https://nsportal.ru/node/21540/2011/10/sukhomlinskiy-v-a-sto-sovetov-uchitelyu>
14. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения в 2 т. Т. 1. Вопросы воспитания. М.: Госучпедгиз, 1953. 638 с.
15. Суханова Н.П. Приоритетность критического мышления: новые практики современной высшей школы // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2021. № 3. С. 14–17. DOI: 10.20339/AM.03-21.014
16. Ясюкова Л. URL: https://vk.com/vladimir_bazarny

References

1. Amonashvili, Sh. The Truth of the School. Moscow: Svet, 2018. 112 p.
2. Kosmin A.D., Kosmina E.A. On alarming trend of transformation of target reference points of reforming of Russian educational system into risks. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2019. No. 9. P. 5–11. DOI: 10.20339/AM.09-19.005
3. Kravchenko, L.V. About necessity of reforms of an education system. *Izvestiya IGEA*. 2007. No. 3 (53). P. 101–104.
4. Alekseenko, V. Socio-philosophic meaning of the category “Quality management system of educational activity of universities”. *Society and culture*. 2008. No. 8. P. 53–56.
5. Official website of the newspaper “Argumenty i Fakty”. URL: <https://aif.ru/>
6. Official site of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/>
7. Asmolov, A.G. Psychology of personality: cultural-historical understanding of human development. Moscow: Smysl: Publishing Center “Academia”, 2007. 528 p.
8. Asmolov, A.G. Speech at the meeting on the development of the system of education at the Prime Minister. URL: <https://asmolovpsy.ru/publications/169>
9. Asmolov, A.G. EGE is Associated with stress situation no more than any exam. URL: <https://asmolovpsy.ru/publications/179>
10. Thacker, E. The Terror of Philosophy: In 3 vols. Vol. 1. In the dust of this planet. A. Ivanov (transl. from Eng.). Perm: Gile Press, 2017. 184 p.
11. Harmer, G. Weird-realism: Lovecraft and philosophy. G. Kolomiets and P. Khanov (transl. from Eng.). Perm: Gile Press, 2020. 258 p.
12. Bazarny, V.F. Why do the standards of knowledge lead to the splitting of personality? URL: http://www.hrono.info/proekty/bazarny/bzrn_stand.php
13. Sukhomlinsky, V.A. One hundred tips for the teacher. URL: <https://nsportal.ru/node/21540/2011/10/sukhomlinskiy-v-a-sto-sovetov-uchitelyu>
13. Ushinsky, K.D. Selected Pedagogical Works in 2 vols. Vol. 1. Voprosy upbringing. Moscow: Gosuchpedgiz, 1953. 638 p.
15. Sukhanova, N.P. Priorities of critical thinking: new paradigms of modern higher schools. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2021. No. 3. P. 14–17. DOI: 10.20339/AM.03-21.014
16. Yasyukova, L. URL: https://vk.com/vladimir_bazarny